

Кочетов Арсений,
МОУ Гимназия №3
Центрального района
Волгограда, 2 класс

**Война в жизни и судьбе Фроловой Ульяны Никитичны:
воспоминания прабабушки**

*«Дети и война - нет более
ужасного сближения
противоположных вещей
на свете».*

А. Твардовский

В своей работе я хочу рассказать о жизни моей прабабушки, Фроловой Ульяны Никитичны, в годы Великой Отечественной войны – труженицы тыла и ветерана труда.

Родители Ульяны Никитичны родились в XIX веке. Семья проживала в хуторе Ильменском 2-м Етеревской волости Усть-Медведицкого округа Области Войска Донского в хорошем доме и с хозяйством. Первый муж мамы Ульяны, Моисеевой Анны Васильевны (Маликовой в девичестве), и отец погибли в Гражданскую войну. С 1919 года в семье остались только женщины и дети: Анна Васильевна, сыновья Ваня (1913 года рождения) и Степан (1919 года рождения), дочь Ульяна (1915 года рождения), и бабушка, Степанида Казьминична, мать Анны Васильевны. Вот и вся рабочая сила. Все работы, заботы были на молодой вдовы, а было ей всего 24 года.

В 1926 году Анна Васильевна повторно выходит замуж за Шишкина Никиту Андреевича. А 8 июля 1927 года родилась моя прабабушка - Шишкина Ульяна Никитична. И вот так в семье стало две Ульяны – старшая и младшая. Младшую стали называть Люся. Вот так, по документам Ульяна, а по жизни Люся.

Воспоминания о своей родине: «Хутор небольшой. Даже с высоты прожитых лет я представляю его таким же, какой он остался в памяти, когда я

его покинула. Богатых вообще в хуторе не было, в основном – беднота, а которые были чуть-чуть позажиточнее, вернее, хозяйственнее, все были раскулачены в 1930 г. А дома были сломаны, и из них были построены школа, совет, колхозная контора, магазины. Наш дом остался – в нем была обустроена почта. Большим событием в хуторе было кино. В праздники играли, зимой катались с горки до посинения и полного замерзания, как по одному, так и обозом. Летом – купалка, рыбалка в Ильмене (озеро) бреднем, самоловами, вентерями, зимой катцами и в полунках, когда рыба шла на дух. Походы в лес за ежевикой и хмелем (его запасали на зиму на хмелины).

Летом, когда шел теплый дождь, очень любили бегать по лужам. А когда из головастика появлялись лягушата, очень маленькие, примерно с фасоль, и выползали из озера, прыгали по мелкой зеленой траве – подорожнику, их ловили и бегали с ними друг за другом. Мальчики постарше брали ужей и тоже старались кому-то их подсунуть.

А еще играли по воскресеньям. Особенно помню Троицын день. Брали из дома или пирожок, или блины, бутылку квасу и, как и взрослые, устраивали себе праздник, собиралось нас человек пятнадцать. Да, столько было всяких приключений! Ведь они происходили каждый день. У нашей соседки яблоня росла рядом с нашим плетнем, а ветви были на крыше сарая. Мы посмотрим, как она уйдет, и сразу на плетень и на крышу. Но уж если она увидит, то не кричит, а шумит на всю улицу.

Какие игры были? В «хаточки». Делали хатки из сырого песка – это как комнаты, все там: и двери, и окна, и кровать, и стол, но все это в миниатюре.

Когда на колхозной пчелиной пасеке качали мед, то его хранили в кладовой в бочонках. Был на хуторе беспризорник Иван Акимов. Он даже зимой ходил босиком, питался – кто что даст. И вот однажды, когда около кладовой была детвора, там собирались встречать коров, этот Ваня зашел в кладовую, и, как был в рубашке с рукавом, макнул рукой в мед по самое плечо, и быстро выбежал. Мед лизали все, и всем хватило и меда, и раздолья, и смеха. А что? Дети ведь».

Училась Ульяна в начальной школе в хуторе в 1935–1939 гг. В то время был уже колхоз. Отец работал в колхозе, мама тоже. Было свое хозяйство: корова, одна-две овцы и куры, огород. И ещё была собака – овчарка Валет – очень красивая и умная. С 1935 г. по 1942 г. девочка состояла в списочном составе рабочих в колхозе – заменяла вторую единицу пастуха и получала паек на питание. Окончив 4 класса начальной школы, Ульяна поехала учиться в Михайловку. Училась она хорошо, вернее, на «отлично» и в 1942 году окончила 7 классов.

Воспоминания о работе в колхозе. «Мы – дети - работали в колхозе каждое лето, начиная с семи лет. А во время войны - с весны до осени (до ноября). Что помню, самое первое – прополка проса. Бригадир Щербаков Николай был участником ВДНХ (выставка в Москве) и чем-то был отмечен.

И самая большая работа, как кончали школу - посадка табака. Выращивали только турецкий табак, который шел на лучшие папиросы для командного состава. А для солдат рубили махорку, это делал соседний колхоз. Была бочка, запряженная парой быков, у озера дети ведрами наполняли ее. Затем шли на табачное поле, рядом с колхозом, сажать рассаду. Руководили нами женщины, мужчин не было. Раскладывали рассаду по ямкам (ямки делали старшие, прокалывали колышками). Поливали, пололи. В июле-августе ломали листья в корзины, потом их везли на воловню, там их низали на шпагатные 3-х метровые вязки длинными металлическими иголками. Потом эти вязки привязывали между привязями в воловне (зимой там была скотина), и табак сушился. Тут наша работа кончалась. Всё это было до войны и во время войны».

22 июня 1941 год. Ульяне не исполнилось ещё 14 лет. День был воскресный, утро - солнечное, тихое, деревенское. В 12 часов дня в хуторе узнали, что началась война.

Отец Ульяны Никитичны был призван в октябре 1941-го на трудовой фронт. В р.п. Иловля копали окопы. Потом это продлилось в действующей армии. Отец пропал без вести в апреле 1943 г.

Работа в колхозе - прополка, полив и особенно тяжелая работа на току. Очень было трудно. Выращивали шелковичных червей: «У нас в колхозе была лесополоса тутовника. Вот этот шелкопряд питался только зелеными листьями тутовника. Была лошадь, постарше из ребят управлял ей, а мы, ребятки, кто руками рвал, кто топориком обрубал эти ветви тутовника. Привозили и раскладывали по ящикам с личинками. В помещении с шелкопрядами был гул, будто швейная машина работает, так они объедали ветви. Затем шелкопряд начинал наматывать коконы, которые собирали в корзины и увозили в район, в Михайловку».

Весной выезжали в поле на быках: бороновали, сеяли. Летом косили сено и скирдовали. Ближе к осени - уборка хлеба: «Один раз запрягли быков, а они не идут, так мы ярмо неправильно одели, старшей женщины не было, а мы сами задом наперед одели».

«Когда работали в поле, подъем рано утром. Вагончики в поле стояли, там спали. Была бочка с водой, кружка на цепи, утром все мыли руки и лицо. Случалось искупаться в пруду, и то, это если бригада стояла рядом с прудом. Еще варили нам суп из пшена. Почему-то его называли «Кондей» из двух блюд – суп жидкий и еще чуть погуще – каша», - вспоминает Ульяна Никитична.

«Война – войной, а работа непосильная, оплаты никакой, просто «палочки» - трудодни. И кто не вырабатывал, то вообще ничего не выдавали. А налоги? Надо было со двора сдать 36 или 34 кг мяса, 100 шт. яиц, 10 кг масла и еще шерсть (не помню сколько кг). Что оставалось в «доме» - практически ноль. Жили мечтой – кончится война и тогда... Из колхоза все, что производили, все сдавали Государству. Все для фронта, все для победы!»

Из одежды носили все то, что было изготовлено до войны. На ноги одевали сделанную своими руками обувь, да какая там обувь - куски телячьей кожи прошнурованные. До войны бабушка и мама Ульяны сами ткали полотно и шили одежду. Вот эту одежду и носили.

Воспоминания о хозяйстве и домашней работе. «А как мы? Была у нас корова Райка – большая, на нее сделали сани и запрягали как быка. Мы на ней

ездили зимой за дровами – сушняк за рекой собирали и за сеном – тоже за рекой. Было очень тяжело и голодно. Перебивались на картошке, тыкве, свекле. Собирали в лесу желуди и их перерабатывали в муку (это целый процесс). Еще лебеда, колючки перекасти-поле и разная мучка и мучель, чтобы слепить какую-то лепешку. Собирали колоски, но если поймают, то объездные отберут и потопчут лошадьми. Ходили в лес за яблоками. Но лесник отобрал у нас мешочки с яблоками. Мешочки забрал, а яблоки остались на обочине дороги у леса. А после мама сварила из свеклы самогон и пошла к леснику за этими мешочками. Другого выхода просто не было. На этот самогон у проезжавших военных выменивали бензин и соль. Свет был привилегией, а в основном гильзу от снаряда сплющивали, в неё фитиль от зипуна (наподобие шинели) и вот это был светильник.

Прежде чем идти встречать корову, надо было нарвать травы обязательно. Еще была обязанность готовить поджиги – это сухие палочки, которые подкладывают под кизяки в печку, чтобы быстро растопить. Да, вот еще, а что же это за поджиги и где их взять? Вокруг хутора был хворост, брали мешок и туда – собирать сухие корешки и палочки. А что же кизяки? Всю зиму собирали навоз из-под коров, овец и складывали его в кучи. Весной он начинал гореть внутри. Потом, где-то в июле, его разбрасывали и начинали месить – если были лошади или быки – с их помощью, а бывало и мы сами ногами, но это очень трудно и опасно. Потом все равняли и сушили, затем начинали резать рубакон, потом опять сушили, переворачивали и складывали сначала по три, потом уже в небольшую башенку в 1-1,2 м высотой. А уж когда полностью высохнут, то в дровник. Еще топили кагальником (кустарник), хворостом, камышом.

Осенью 1942 г., когда уже стал снежок идти, в хутор пригнали чеченцев. Они копали окопы за рекой, их разместили по хатам. В основном они не понимали по-русски. Нам повезло, те, что жили у нас, были из Махачкалы с завода, говорили по-русски и очень переживали за свои семьи. Они приносили из лесу по чурке дров, и кололи их, и топили печь дровами. Приходили вечером, умывались, и тут же холодной водой мыли головы, они были бритые.

Им давали дневной паек: хлеб, сахар по 2 кусочка и по чуть масла. Вот сахар и масло они несли нам, и мама варила им чугунок картошки, еще была соленая капуста. Они были довольны, мы тоже. Когда их угнали, мы получали письма для них, они были на чеченском языке. Они приглашали нас, когда кончится война к себе в гости. Но вот война кончилась и унесла, ой, как много жизней!..

Зима 1942 г.: ноябрь–декабрь – очень холодно, у нас корм для коровы находился за рекой. На чем его привезти? Быки в колхозе днем были заняты. Вечером маме дали быков, и они с моей старшей сестрой поехали за сеном, которое находилось в лесу за 8 км. Среди ночи мама пришла, разбудила меня и сказала: «Бык в лесу упал и, наверно, сломал ногу, встать не может». Бригадир дал ей еще быка. И вот в эту морозную снежную ночь она вела его за веревку, а я подгоняла его сзади. Очень боялись волков, а как там сестра среди леса, одна около воза? Что мы все пережили в эту ночь! Когда пришли, оттянули все от быка немного в сторону, впрягли другого быка, и стали тянуть потихоньку. А что надо было делать с тем быком, который лежит? Когда стали трогать воз и сказали: «цоб, цобе!» (так погоняли быков), сани тихо скрипнули и чуть-чуть подвинулись вперед, и, вот чудо, бык не встал тихо, а просто вскочил. Радость была неописуемая. Теперь у нас останется корова, а это единственная наша кормилица! И вот эта страшная ночь уже заканчивалась, мы тронулись в путь, и рано утром мы приехали в хутор. Вот так мы привезли сено. Замерзли ноги, и особенно колени ничего не чувствовали. Колени до сих пор не терпят холод».

Воспоминания о потерях во время войны: «Немец идет к Сталинграду, с отцом никакой связи. Ваня и Степан пока писали краткие армейские треугольники. Жили под страхом. Степа проехал на Сталинград – его видели в Михайловке и в Кумылге на станции, он выходил и искал своих, но никого не встретил, и люди потом передали его просьбу, что поехал на Сталинград 11 августа. На этом все оборвалось. И его не стало 13 сентября 1942 г. Слезы, горе! Мама просто была сама не своя. А от папы не было известий всю войну и все последующее время – в 45 лет пропал без вести и так до сих пор. Мама всю

жизнь ждала отца и говорила: «Да он же такой человек, что может неделю жить без пищи», что он очень выносливый. Но, увы, этого не произошло...

1944 год был очень трудный. Были заболевания туляремией. Высокая температура, кровь из горла. Были смертельные исходы.

В соседях умерло в 3-х дворах 7 человек и моя старшая сестра Ульяна. Горе, горе... Но время идет, труд непосильный, и, самое главное, - недоедание».

Воспоминания об учебе: «Учеба начиналась с ноября, отодвигалась из-за работы в колхозе, и до весны. Вот во время войны я начинала ходить в 7-й класс в станицу Етерьевскую. Ой, приходили ко второму уроку – 4 км туда, да еще разные развлечения на дороге. Зимой с 1942-1943 гг. я не училась. Когда я стала учиться в х. Большом (8 класс), каждую субботу после уроков шла домой – это 10 км. Вечером надо было постирать обязательно, ведь сменного белья не было, и посушить на грубке около печки. А еще надо было взять что-то из еды – картошку, капусту, тыкву мама с осени туда переправляла, а вот ладушки надо было на шесть дней. Это желуди, какая-то мучка, шелуха, и все это слепленное в виде оладушка. И в воскресенье с обеда я шла снова в х. Большой. В хуторе на улицу я не ходила, на неделе была в школе, а в субботу было не в чем идти.

В 1944 году я окончила 8 классов и пошла на собеседование в МТС (машинно-тракторную станцию). Написала заявление, им очень понравился мой почерк, и меня приняли в бухгалтерию учеником на 1 месяц с испытательным сроком, а потом сразу перевели счетоводом по учету ГСМ (горюче-смазочных материалов): обработка путевых листов по ГСМ, тракторов и комбайнов. С работой я хорошо справлялась. У меня была хлебная карточка на меня и на бабушку и зарплата деньгами (точно не помню, что-то 200 руб.) Но прошло лето. Уже в ноябре в школе начались занятия, и мне очень захотелось учиться. Я сказала об этом маме (я проработала 6 месяцев), она ответила так: «Знаешь, если уж ты очень хочешь учиться, то учись. А то потом будешь меня обвинять, что я не разрешила».

Воспоминание о дне победы: «9 мая в школе объявили день победы, отменили занятия. И я помню этот день – хмурое дождливое утро, у меня настроение двоякое: радость – так долго ждали этого дня и очень большая боль за тех, кого нет, кто уже никогда не вернется. В хуторе тоже было и ликование и слезы, и горечь потерь. Митинг, мы не ходили, а просто плакали.

Стали ждать с фронта брата Ваню, он вернулся осенью.

Вот что мы – труженики тыла – испытывали в нашем детско-юношеском возрасте. Работали все – и взрослые, и дети. Все - ради Победы».

Время шло, жизнь продолжалась...

Источники

1. Интервью Фроловой Ульяны Никитичны.